

УДК 330.1

DOI: 10.17223/19988648/42/2

А.А. Оганян, Д.М. Хлопцов

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ: МЕХАНИЗМЫ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье исследуется академическая среда университета и ее основополагающие институты: академическая автономия и академическая свобода, академическая культура университета. Описаны основания и субъекты так называемого академического конфликта: запаздывающая реакция академических работников на внешние факторы влияния, несоответствие институтов бизнес-среды и академической среды, игнорирование стейкхолдерами существенных черт академической среды. Авторами выделены наиболее существенные изменения институтов академической среды: размывание академической культуры университета, усиление административных методов управления, кризис доверия и формирование особых моделей оппортунистического поведения акторов академической среды и т.д. Необходимо отметить, что за рамками данного исследования остались национальные особенности академической среды.

Ключевые слова: университет, академическая деятельность, академическая среда, академическая культура, академическая автономия, академическая свобода, академическое вознаграждение, трансформация университетов, академический конфликт.

Не уделяя особого внимания определению академической среды, исследуют ее как место работы, обучения и иного взаимодействия акторов внутри среды и с внешними акторами.

Различные аспекты академической среды освещены в работах зарубежных и отечественных авторов – Б. Кларка, П. Бурдье, К. Аткинсона, Ф. Альтбах, Е. Нидергауса, Р. Абрамова, А. Нефедова, Е. Сивака, М. Юдкевич и др. Академическая среда определяется как пространство взаимодействий заинтересованных лиц (стейкхолдеров)¹. К заинтересованным лицам относят домашнее хозяйство (студенты и их семьи), государственные структуры всех уровней управления, экспертов в разных областях, академических и административных работников; попечительский совет и учредителей, научно-исследовательские и учебные структуры организации и учебных заведений, бизнес-структуры, академическое сообщество. В широком смысле под академической средой понимается совокупность норм и правил научной и образовательной деятельности [2. С. 33]. В научной литературе академическая среда рассматривается и как «совокупность

¹ Лаконичное определение, отражающее сущность понятия «стейкхолдер», дано И.Б. Гурковой: «...группы лиц, имеющих легитимный интерес к деятельности организации» [1. С. 12].

норм и правил образовательной и научной деятельности, характерных для рассматриваемого сообщества, а также совокупность ресурсных, экспертных и статусных сетей...» [2. С. 33]. Исследователи, подчеркивая многогранность *академической среды*, выделяют ее характерные черты: взаимодействие и взаимообусловленность образовательной, научно-исследовательской и экспертно-аналитической деятельности профессорско-преподавательского и студенческого сообщества; неоднозначность критериев оценки академической деятельности, предопределяющую неполноту формальных контрактов между акторами академической среды [3; 4. Р. 595; 5. Р. 520; 6. С. 83–85].

В то же время в научных публикациях не в полной мере показано влияние качественных изменений основополагающих институтов академической среды на процесс ее эволюции в современных условиях. Поэтому в рамках данной статьи предпринята попытка анализа механизма трансформации академической среды.

В современных условиях экономический рост имеет, прежде всего, интеллектуальную основу. Поэтому все более значимой становится роль университета, осуществляющего расширенное воспроизводство знаний (их формирование, накопление и трансфер). Новое знание, являясь результатом открытия, изобретения и нового видения ранее полученного знания, обуславливает выявление будущих возможностей развития субъектов национальной и мировой экономики.

Университет, как основной генератор нового знания, изменяется под влиянием внутренних факторов, которые модифицируют качественные характеристики академической среды, и учитывает запросы со стороны внешних факторов: смены социально-экономической модели страны, спроса на научные исследования со стороны бизнеса, преобразования модели государственного финансирования и др. Причиной институциональных изменений, по Д. Норту, «является то, что дисконтированная ожидаемая выгода превышает ожидаемые издержки» данного процесса [7. Р. 7]. Усиление взаимодействий университета с другими институтами внешней среды предопределило значимость ресурсонаправленности и коммерциализации знаний, приоритет прикладных исследований над фундаментальными, большую степень открытости университета [8. С. 62].

Формирующаяся с начала XX в. в глобальной экономике модель университета будущего должна сочетать не только способность к трансформации, но и сохранение своего академического ядра. В этой связи возникает необходимость рассмотрения изменений, происходящих в академической среде университета, на основе анализа сущности ее основных институтов.

Знания все в большей степени становятся частным благом стейкхолдеров, что приводит к соответствующему уменьшению общественного блага. Ранее академическая среда отличалась своей исключительностью, как особый вид экономического института, где рынок не имел столь значительной власти (относительная независимость от рынка, коллегиальность как спо-

соб организации внутренних связей). Особенность знания как социально-экономического блага предопределяет креативный, саморасширяющийся характер его потребления: чем чаще и в больших размерах потребляется, тем более разнообразным и значимым оно становится.

В условиях академической среды формируется особого рода деятельность – *академическая*. Основными целями академической деятельности являются формирование, накопление и передача знаний; развитие способностей к выбору индивидуального тренда в рамках жизненного цикла, обеспечивающего высокое качество человеческого капитала и его реализацию посредством активной творческой деятельности, фундаментальные и прикладные научные исследования. Эффективная реализация данных целей обуславливает следование таким определяющим нормам академической среды, как концептуальная и содержательная свобода деятельности, прозрачность взаимодействий акторов, объективность оценок научных идей и образовательных методик и т.д.

К *институциональным признакам* академической деятельности можно отнести следующие: а) индивидуальная интенциональность академического работника проявляется в удовлетворенности и самостоятельном регулировании творческой деятельности, познавательной активности, склонности к саморазвитию; б) креативный характер труда с положительным кумулятивным эффектом при условии творческого обмена и потребления знаний (обогащение личности как академических работников, так и студентов); в) кооперация академического труда на основе взаимоуважения и доброжелательности, открытости, осуществления постоянного мониторинга коллег; г) неотчуждаемость результатов труда; д) отсутствует творческий, административный прессинг академического работника, если последний следует академическим нормам; е) академическая деятельность не приемлет формализм, жесткое нормирование затрат труда; ж) обмен знаниями в рамках академического сообщества между академическими акторами является взаимовыгодным, но не опосредован рынком; з) особая система внутренних (непрерывность реализации академических конвенций, низкие транзакционные издержки взаимодействий между акторами академической среды, активное участие в управлении вузом и т.д.) и внешних (высокий профессиональный статус на рынке труда и в обществе, достойная конкурентоспособная зарплата, репутация академического сообщества вуза, нормы академического контракта и т.д.) мотивов преподавателей и ученых; и) специфическая форма вознаграждения академического труда – денежная (зарплата и академическая рента) и неденежная, как более значимая (академическое вознаграждение) [6. С. 81–82; 9. С. 153; 10. С. 98–99; 11. С. 60].

Необходимо подчеркнуть, что основаниями реализации академической деятельности являются: наличие свободного времени, общение и взаимодействие с представителями академической среды других университетов и научно-исследовательских организаций. Это требует финансовых и временных затрат. Особо отметим, что достойная заработная плата есть финансовое основание удовлетворения исследовательского любопытства.

Низкий уровень зарплаты преподавателей и ученых, не соответствующий качеству и степени реализации их человеческого капитала, является одной из причин формирования трех моделей поведения:

а) постоянно воспроизводимый оппортунизм на уровне как отдельного актора, так и академического сообщества;

б) смена места работы;

в) увеличение рабочего времени и уменьшение свободного [12. С. 41].

Каждая из моделей будет обуславливать снижение качества академического труда. Поэтому нельзя согласиться с утверждением, что академические работники могут получать минимальное материальное вознаграждение, речь может идти только о достойном и обоснованном уровне получаемого дохода [8].

Между академическими работниками и университетом должен заключаться взаимовыгодный академический контракт, определяющий особенности организационного устройства. *Академические контракты* определяют систему академических конвенций и механизм их обеспечения:

– со стороны академических работников – необходимость и возможность постоянного повышения качества образования, осуществления научных исследований, активного участия в управлении вузом;

– со стороны администрации вуза – формирование необходимых условий концептуального самоопределения как отдельной личности, так и академического сообщества;

– разработка основных норм механизма стимулирования академической деятельности, обеспечивающих оптимальное соотношение академического и материального вознаграждения;

– осуществление инвестиций в человеческий капитал академических работников и т.д.

Академическая среда представляет собой сетевую структуру, институциональные признаки которой предопределяют постоянное формирование внешних сетевых взаимодействий с целью реализации миссии университета. Формирование внешних сетей обеспечивает: наличие более разнообразной и комплексной информации; формирование дополнительных стимулов к преподаванию и обучению (увеличивается скорость распространения информации); взаимодействие образовательной, научно-исследовательской и экспертной деятельности; укрепление связей с образовательными структурами и научными центрами, становление, расширение и развитие качественно новых взаимодействий с бизнесом и общественными организациями; снижение транзакционных издержек, создание и присвоение отношенческой ренты.

Необходимо подчеркнуть, что именно сущностные черты академической среды обусловили внутренний импульс трансформационного тренда – формирование долгосрочных, равноправных, воспроизводимых взаимодействий с бизнесом и государством.

К основным институтам академической среды относят академическую свободу и академическую автономию, академическую культуру. Под ака-

демической свободой понимается институциональная защита ученого в его поисках истины, защита общества от обязательств по отношению к уже осуществленным научным работам ученых [2], защита свободы взаимодействия работников [8; 13. С. 88]. Академическая свобода есть основание креативности академических работников, которые самостоятельно определяют методы исследования и преподавания, свободное обсуждение актуальных вопросов с коллегами и студентами без опасения преследования по идеологическим, политическим, религиозным или социальным причинам. Академическая свобода позволяет актерам академической среды реализовать себя на высшем уровне потребностей – осуществить самоактуализацию, саморазвитие. Одновременно академическая свобода предполагает ответственность академических работников, студентов за качество своего труда, активное следование академическим стандартам поведения.

Институциональной формой академической свободы является *академическая автономия*, подтверждающая уникальность академической среды в экономической системе. В Великой хартии университетов подчеркнуто: «Университет является автономным учреждением, которое критическим образом создает и распространяет культуру через научные исследования и образование. Чтобы адекватно реагировать на нужды современного мира, он должен иметь моральную и интеллектуальную независимость по отношению к любой политической и экономической власти, реализуя свою деятельность в области исследований и образования» [14].

Определяющим условием реализации академической автономии является наличие политической и финансово-управленческой автономии: коллегиальное принятие основных решений относительно академического процесса, приоритет академических процедур при определении направления и величины финансовых потоков, конкурсный отбор кадров и ограничение вмешательства внешних акторов в научную и преподавательскую деятельность. Миссия университета не может быть реализована вне идеологической и исследовательской автономии.

М. Поланьи, определяя роль академической автономии, подчеркивал, что централизованное управление научной активности может привести к застою [15. Р. 3]. Коллегиальное управление проявляется в весомом участии персонала академической среды в управлении, расширении персональной ответственности за решения и действия академического сообщества. По сути, это выражение интересов академического сообщества, которое в новой модели университета противопоставляется интересам внешних по отношению к университету профессионалов [16. С. 7]. В то же время необходимо отметить, что чрезмерный уровень автономии может привести к усилению оппортунистических тенденций и разобщенности, уменьшению синергетического эффекта, нарушению целостности в академической среде.

В качестве основного института академической среды выделяют академическую культуру. М. Кастельс определял культуру как набор ценностей и убеждений, обуславливающих поведение человека в обществе [17].

К системе ценностных установок академической культуры можно отнести добросовестность академического сообщества, предполагающую честность, прямоту, уважение, ответственность, подотчетность, доверие (согласно Бухарестской декларации этических ценностей) [18. С. 72]. П. Скотт к традиционным академическим ценностям относит критическое мышление, неприменную науку, академическую свободу, преданность интересам подлинного знания, академическую автономию, признание научным сообществом, публикации в авторитетных изданиях и т.д. [19. Р. 300]. К значимым ценностям академической культуры можно также отнести свободу и самоценность интеллектуальной деятельности; моральную и социальную ответственность за выбор цели, способов и социально-экономических последствий преподавательской и научной деятельности; право и обязанность академических работников быть свободными в реализации своих личных и коллективных научных проектов, отражающих собственные этические, идеологические, исследовательские взгляды.

Академическая культура имеет сложную структуру, это:

- внешняя среда;
- институциональная культура университета;
- субкультура внутри университета;
- индивидуальная культура акторов академической среды [20. Р. 3].

Внешняя среда представлена академическими организациями международного, национального и регионального уровней. Миссия университета, его академические практики и символика характеризуют институциональный уровень академической культуры. Профессорско-преподавательский состав и студенты формируют особую группу в рамках субкультуры. Именно они являются хранителями ядра корпоративной памяти университета, динамичным потенциалом накопления, передачи и реализации академической культуры.

В качестве основополагающего института академической среды необходимо рассматривать академическую доступность. Под академической доступностью будем понимать систему формальных и неформальных норм, обеспечивающих деятельность академического сообщества по обеспечению рутинизированных моделей реализации сущностных институтов академической среды – академической автономии и свободы, академической культуры. Качественные параметры реализации академической доступности характеризуются: степенью самостоятельности профессорско-преподавательского состава в принятии программ обучения студентов (структура и содержательная часть курсов), степенью свободы студентов в определении тренда своего обучения (выбор предметов, формы обучения, сроков обучения и т.д.), степенью свободы профессорско-преподавательского состава в определении квалификационно-должностного тренда развития и т.д. Количественные параметры академической доступности включают: долю государственных расходов на высшее образование (абсолютная и относительная величина, структура расходов); количество директивных показателей, определяемых государством и администрацией вузов:

количество и ценность грантов (федеральный, региональный, местный уровни); уровень и динамику учебных поручений преподавателей и студентов; степень участия академических акторов в принятии решений на уровне университета и общества в целом; оснащение научной и учебной литературой, структуру и динамику доходов профессорско-преподавательского состава и соотношение с зарплатой администрации, средней зарплатой в регионе и на федеральном уровне и т.д.

Университет как хозяйствующий субъект экономики не может не реагировать на изменения внешней среды его функционирования: процессы глобализации и демократизации современной экономики, информационно-технологическую революцию, специализацию и дифференциацию научного знания, развитие сетевых моделей организации и управления, снижение государственного финансирования, трансформацию рыночной среды, существенный рост требований к человеку как личности и как субъекту деятельности и, как следствие, рост спроса на высшее образование (массовизация высшего образования). Необходимо отметить, что данные факторы являются следствием проявления устремлений заинтересованных лиц, которые определяют направленность институциональных изменений в системе высшего образования. Активное их участие в эволюции академической среды как принципалов (прежде всего государства) ведет к институциональной и информационной открытости, ускоряет динамику развития университета [21. Р. 515; 22. С. 54; 23. Р. 117], предопределяет его большую практикоориентированность. В то же время необходимо учитывать внутренние импульсы в рамках академической среды, предопределившие ее институциональные изменения. В академической деятельности можно выделить следующие противоречия: между академическими рутинами и стремлением к финансовой устойчивости в условиях долговременного, постепенного уменьшения государственного финансирования; между узкой специализацией и междисциплинарностью, тенденцию к усилению административного давления на академическое сообщество и устареванию принципов коллегиального управления, устаревшую организационную структуру и необходимость завоевания глобальных рынков образовательных услуг, труда и институционального рынка; становление академической олигархии в рамках каждого из университетов и в рамках университетского сообщества. Разрешение этих противоречий определяет трансформационный тренд академической среды.

Следовательно, сформировавшиеся внешние и внутренние основания предопределили существенные институциональные изменения. Б. Кларк полагает, что определяющими механизмами трансформации академической среды являются: диверсификация базы финансирования университетов, усиление системы управления, создание периферийных подразделений, формирование мотиваций к трансформации, интегрированная предпринимательская культура [24. С. 13]. При этом он замечает, что развитие крупных и сложно устроенных организаций предопределяет, с одной стороны, постоянное сопротивление влиянию внешней среды, с другой – формируется постоянная потребность в изменениях [24. С. 232].

Остановимся подробнее на некоторых механизмах:

1. Диверсифицированное финансирование университетов, которое было обусловлено необходимостью поиска новых источников доходов в связи с изменением структуры спроса его принципалов (домашние хозяйства, бизнес, государственные структуры). Университет осуществляет поиск партнеров: а) для финансирования исследовательской деятельности с целью создания нового знания, востребованного рынком; б) привлечения дополнительных средств в образовательные программы, инициированные рынком труда; в) разработки новых программ подготовки специалистов; г) сочетания бюджетного и внебюджетного финансирования (плата за обучение, гранты и т.д.); д) привнесения идеи предпринимательства в образовательный и научно-исследовательский процесс и пр. Об интересе бизнеса к фундаментальным исследованиям свидетельствует тот факт, что, например, в США бизнес увеличил свою долю в финансировании академической науки с 2,3 до 8% за 1970–2000 гг. Одновременно разрабатываются различные программы профессиональной подготовки для лиц, не являющихся студентами, а стремящихся к самосовершенствованию, развитию профессиональных навыков. Растет спрос на программы корпоративного обучения. Преподаватели активно пользуются возможностью подрабатывать «на стороне»: консультирование, рекомендации, учреждение собственного бизнеса на основе своих разработок и др. [25. С. 34–35].

Следовательно, доходы от предпринимательской деятельности университета связаны с возможностями академической среды и требуют ее трансформации.

2. Рассмотренный выше механизм обусловил необходимость структуризации управления университетом, становление команды по координации изменяющихся в качественном аспекте и по структуре взаимодействий. Наблюдается формирование множества взаимосвязанных, конкурирующих между собой подструктур академической среды, решающих большой круг проблем: не только образовательные, научно-исследовательские и социальные, но и экономические, политические, международные, культурные. Необходимо отметить, что создавались как новые административные структуры (набор профессиональных менеджеров высшего и среднего звена управления), так и структуры на периферии академической среды с целью расширения сферы внешних взаимодействий. Так, за 10 лет около 200 университетов в США создали специальные подразделения, занимающиеся отбором коммерчески перспективных открытий и их патентованием. Возникают центры технической поддержки малого бизнеса, занимающиеся консультированием, финансовой поддержкой предпринимателей, активно развиваются венчурные фонды [25. С. 33].

3. Формирование группы новаторов, осуществляющих: а) разработку стратегии институциональных изменений академической среды; б) качественные изменения в образовательной, научно-исследовательской, инновационной сферах на практике (например, смена образовательной парадигмы, становление и развитие технологических трансферов и т.д.).

В рамках университета формируются венчурные подразделения. Процесс производства знания «на заказ» становится массовым, к нему добавляется новая, не свойственная университетам ранее задача – создание технологий и технологических компаний [26. С. 14].

Б. Кларк в своей работе отмечал, что существует зависимость между получаемыми университетом доходами и институциональными и технологическими нововведениями. Например, в Швеции прирост дохода в 2–3% позволяет университету платить по счетам, в 5% – осуществлять предпринимательскую деятельность, прирост в 8–10% дает возможность быстрого реагирования на быстро меняющиеся условия экономической деятельности, не ухудшая качества обучения; позволяет обеспечивать достойную плату сотрудникам; покрывает рост затрат на научные исследования для генерации новых технологий [24. С. 118].

4. Формируется сеть: университет – бизнес – государство, которую определяли как сущностный элемент экономической системы. Идея предполагала равноправие и независимость акторов сети: «если институциональная сфера не может сохранить независимость, то она утрачивает свой четко выраженный статус» [27. С. 53]. В то же время можно наблюдать появление у взаимодействующих акторов новых черт, наделение взаимодействующих институтов чертами институтов-партнеров. Университет импортирует практики бизнеса: предоставление в аренду имущества; введение платы за пользование библиотекой сторонними лицами; издательскую деятельность; использование любого актива, который приносит доход. Бизнес перенимает опыт у научно-исследовательских институтов, это высокая степень толерантности и ориентация на дискуссию, непредвзятое отношение к субординации, мультиактивность работника [29].

5. Постепенно осуществляется изменение представлений академических работников – переход от отвлеченной плодотворной идеи к практическому, прикладному предназначению университета. То есть постепенной модификации подвергается академическая культура.

Необходимо отметить, что степень качественных и количественных изменений в системе взаимодействий акторов академической среды и стейкхолдеров имеет объективные ограничения. Во-первых, адаптация академических институтов определяется как национальными культурными традициями, так и степенью готовности внутренних институтов к трансформационным процессам. Во-вторых, в рамках университета, являющегося носителем наиболее значимых социокультурных ценностей и традиций, не могут быть осуществлены такие изменения академической среды, которые могут привести к невозможности реализации его миссии в экономической системе.

В научной литературе сложилось два основных подхода к анализу социально-экономических последствий современной трансформации университетов. В работах П. Скотта, Дж. Деланти [29, 30] отмечается, что в современных условиях университетам очень сложно обеспечить неизменность присущих ему традиционных социокультурных ролей. В то же время исторический опыт показывает возможность успешной адаптации академической среды универ-

ситета. Противоположных взглядов придерживаются Ш. Слоутер, Д. Шустер, Х. Саймон [31–33] и др.: трансформация университета усиливает риски существования высшего образования, стимулируя становление политики так называемого «академического капитализма». «Академический капитализм» есть стадия развития университета, в рамках которой он становится активным игроком конкурентной борьбы на рынке (образовательном, ресурсном, информационном) с другими вузами с целью получения прибыли.

Чтобы понять, какая из позиций была реализована в процессе трансформации университета, определим произошедшие качественные изменения в академической среде.

1. Расширение круга потребителей знания сопровождается сочетанием его эксклюзивности (имеет меньшее значение для стейкхолдеров) с практикоориентированностью, специализацией. Формируется особая часть представителей академической среды – специалистов по внедрению, трансформации знаний в хозяйственный процесс. Возрастает скорость, с которой должны формироваться и обновляться знания, передача ценностей и навыков, что требует от акторов академической среды постоянного обновления новых методик и ускорения традиционных процессов передачи и генерации знаний, изменения механизмов их трансляции. Одновременно расширяется сфера творцов ранее не востребованных знаний (например, генерация знаний при реализации маркетинговой стратегии в бизнесе и др.). Создаются проектные команды, курирующие осуществление прикладных исследований, развиваются прикладные, проблемно-ориентированные знания [34. С. 129]. Периферия академической среды, взаимодействуя со стейкхолдерами, становится проводником знаний, придавая практическую ориентацию научным исследованиям.

Таким образом, академическая среда теряет свою эксклюзивность как создателя ценностной ориентации населения, производства, преобразования и передачи знания.

2. Институциональные изменения в системе университетов проявляются в смене управленческой модели академической среды. Наблюдается усиление роли разрастающегося административного центра, осуществляющего управление академической средой как коммерческой организацией, ограничивая коллегиальность. В частности, в США отмечают постоянное перераспределение власти в университетах в пользу возрастающего числа профессиональных менеджеров [35. С. 16]. Академические работники не включены в непосредственное обсуждение стратегии развития вуза, образовательных программ, влияние преподавателя сократилось до уровня факультета, учебной программы [25. С. 16]. Фактически университеты оказались под властью администрации, наращивающей свое влияние [35. С. 17]. Роль вспомогательного персонала становится столь же значимой, как и профессорско-преподавательского, происходит совмещение академических и неакадемических ролей [20].

Отметим процесс «тихой» приватизации университета: узкий круг руководителей, извлекая прибыль, не инвестирует ее в развитие университе-

та, а присваивает. Причем присвоение приобретает различные формы: дополнительные бонусы к зарплате, строительство бассейна на территории общежития, содержание университетской футбольной команды и пр., что, на наш взгляд, не является значимым для развития университета.

Таким образом, значительной коррозии подвергается академическая автономия, институт, являющийся основанием академической свободы и академической культуры. Исследователи фиксируют процесс корпоратизации университета.

3. Трансформация финансового основания функционирования университета, проявляющаяся в изменении структуры источников финансирования, зависимости от рыночной ситуации (нестабильность поступлений). Конкуренция за высокие места в рейтингах требует больших финансовых вложений. Поэтому университеты ищут пути расширения источников финансирования для обеспечения поощрительных стипендий выдающимся студентам, достойной заработной платы преподавателям, комфортных условий труда, приглашения ведущих ученых [25. С. 36]. К основным источникам финансирования относятся: прямое бюджетное финансирование государством, доходы от научных фондов, правительственное финансирование (региональное), государственные заказы на научные исследования, различные частные источники (профессиональные ассоциации, бизнес, благотворительные фонды и пр.), доходы, генерируемые самим университетом (плата за обучение, эндаумент, доходы от патентов, доходы от предпринимательской деятельности) [35. С. 17]. Эксперты отмечают, что, например, в Великобритании (RAE) финансирование осуществляется на основе достаточно большого количества документов при весьма поверхностной процедуре оценки, не позволяющей объективно определить значимость научного исследования. Количественные критерии, применяемые в методиках оценки, не позволяют сделать выводы относительно качества / уровня университетской деятельности, что не делает возможным осуществлять сравнение между собой университетов, принадлежащих к разным институциональным моделям.

4. Например, структура доходов среднего американского университета складывается из таких источников: плата за образование – порядка 20–25%, исследовательские гранты из федерального бюджета – 20–25%, конкурсные гранты и контракты с корпорациями – 10–15%, частные пожертвования, благотворительные фонды, эндаумент-фонд и побочные виды деятельности – 10–15% от общего дохода [37. С. 355].

Индивидуальные стратегии академических работников претерпевают изменения: они не только должны обладать знаниями, но и умением выгодно их продать. Они должны овладевать практиками ведения переговоров и заключения контрактов, составления сметы и т.д. Величина и направления правительственного финансирования напрямую зависят от законодательства. Что же касается частных источников, то для получения средств от них академическая среда должна соответствовать требованиям этих институтов и инвесторов:

- осуществлять подготовку специалистов в кратчайшие сроки;
- иметь гибкую программу повышения квалификации;
- быть готовыми выполнять исследования «на заказ» и др.

Специфика применяемых принципов финансирования со стороны частных фондов, бизнеса, иностранных спонсоров не всегда позволяет академическому работнику плодотворно заниматься научными исследованиями, которые не только для него более привлекательны, но и приносят большую общественную выгоду. В конечном итоге это может привести к большому отставанию от передовой фундаментальной науки, снижению инвестиций в общественно значимых сферах (в том числе гуманитарных науках).

Вовлечение стейкхолдеров в образовательное и научное пространство увеличивает объем внешнего контроля, представители бизнеса теперь имеют право решающего и контролирующего голоса, софинансируя деятельность университета.

Следовательно, наблюдается ограничение сферы реализации (пространственный аспект) академической автономии и трансформация ее норм (качественный аспект). Погоня академических акторов за доходами снижает ценность академического вознаграждения для них. Необходимо отметить, что сформировавшаяся тенденция размывания академических институтов и ценностей определяется представителями академического сообщества как сигнал тревоги [25. С. 36–38].

5. Трансформируется также образовательная деятельность. Коллегиальный, свободный поиск знания замещается пристальным вниманием преподавателей к нуждам студента, который рассматривается как клиент, конечный потребитель образовательной услуги. Академическая среда перестает быть только средой создания, накопления и передачи знания, в большей степени она становится ресурсом по производству специалистов, прикладных исследований, востребованных рынком. Постоянно растет доля платного образования.

Ускорение общественной жизни, сокращение времени между открытиями, быстрое развитие техники и технологии ускоряют все процессы в университете. Происходит инверсия образования от трансляции от одного преподавателя к нескольким студентам, к обучению одного студента несколькими преподавателями [38. С. 8]. Это требует от академического работника не только ускорения процесса работы, но и перехода к передаче навыков, порой в ущерб потенциальным знаниям.

6. Университеты становятся сетевым интегратором, т.е. акторы академической среды включаются в неформальные взаимодействия на макро-, мезо- и микроуровнях с другими университетами, научно-исследовательскими, общественными организациями, бизнесом. Как следствие, повышается качество институтов академической среды, формируются новые компетенции, расширяется сфера академической мобильности, возрастает степень реализации человеческого, социального, культурного капитала и т.д. Развиваются все формы взаимодействия: трудоустройство выпускников, рост значения практических занятий и исследовательской деятельно-

сти, привлечение дополнительного финансирования, составление учебных программ, востребованных рынком, установление долгосрочных контрактов с работодателями. Взаимодействие с бизнесом увеличивает объем прикладных исследований, доступность генерированных бизнесом уникальных знаний, ранее не доступных для акторов академической среды.

Таким образом, в рамках данных сетевых взаимодействий происходит содержательное обогащение академических институтов, снижаются транзакционные издержки, изменяется структура и расширяется пространство академической среды на основе синтеза образовательной, исследовательской, предпринимательской деятельности и т.д.

7. Сетевые взаимодействия университетов и стейкхолдеров предопределяют формирование особой корпоративной культуры университета¹, составной частью которой становится культура академическая. Корпоративная культура образовательного учреждения имеет двойственную природу: с одной стороны, это культура достижения интересов на рынке образовательных услуг, труда, информационном, институциональном – культура конкурентной борьбы; с другой – это традиционная академическая культура, основанная на сохранении и приращении педагогических ценностей [39. С. 62]. При этом, как отмечают исследователи, в процессе эволюции академической структуры в большинстве случаев обеспечивается замещение академических ценностей рыночными, как более понятными и приносящими хотя и нестабильный, но превосходящий ранее получаемый доход. Происходит дестраивание академической культуры – традиционный социальный элемент дополняется производственным [40. Р. 72–73].

Развивающаяся корпоративная культура университета позволяет формировать наиболее эффективные межличностные отношения, соответствующие сущностям институтов академической среды; повысить репутацию и имидж университета; академическим работникам самостоятельно формировать собственную траекторию развития с целью повышения качества человеческого капитала. При этом подчеркивается, что корпоративная культура университета отражает происходящие изменения в системе высшего образования более полно, чем академическая [41. С. 181–183].

Таким образом, эволюция академической культуры претерпевает значительные изменения, причинами которых являются неоднозначность поведенческих установок академических работников при расширении рыночных транзакций и недостаточная поддержка государства, не учитывающего того обстоятельства, что бизнес – более сильный игрок, чем университет.

Данные качественные изменения обуславливают ряд последствий. С одной стороны, обеспеченная и привилегированная часть общества будет иметь больше возможностей для интеллектуального развития, чем другая часть населения. С другой стороны, рост исследований, финансируе-

¹ Корпоративной культуре университета уделяют внимание такие авторы, как Б. Кларк, Р. Барнет, У. Бергвист, Ф. Мендоза, О. Вебер, Т. Парсонс, Ф. Тейлор, Г. Мальцева, Е. Строецкая, И. Фруммин, А. Беляев, Е. Руднев, Ю. Тюнников и др.

мых бизнесом, приводит к качественным изменениям научно-исследовательской деятельности (закрытый характер исследований, патентная поддержка), к ограничению академической свободы, к значимым изменениям академической культуры, к бюрократизации академической деятельности, к отходу от системы ценностей научного сообщества [42. Р. 91]. Растет недоступность научных знаний, которые все чаще становятся объектом контрактных отношений с бизнесом. Акторы академической среды, осуществляя выбор, вынуждены искать компромисс между научной деятельностью, востребованной обществом (производство общественного блага), и бизнесом (производство частного блага) [34].

Формирующиеся и развивающиеся взаимодействия акторов академической среды с акторами внешней среды объективно сопровождаются появлением институционального конфликта, под которым понимается конфликт между укоренившимся институтом и внедряемым институтом [43. С. 79; 44. С. 20; 45; 46. Р. 3]. Е. Балацкий, основываясь на теории устойчивых изменений Б. Кларка, отмечает, что происходит изменение правил взаимодействия всех элементов университета, поэтому академическая среда рассматривается в качестве противоречивого сочетания как существенных институтов, так и привнесенных извне, инертности и адаптивности [34. С. 118].

Условно разделим академический конфликт на конфликт внутренний (между акторами академической среды) и внешний (порождаемый внешними институтами). Формами проявления внутреннего конфликта могут быть:

- конфликт между интересами академических работников (агенты) и принципалами-управленцами (деловая сторона академической среды);
- конфликт при взаимодействии академического работника с обучающимися;
- конфликт при взаимодействии акторов различных подразделений внутри университета и др.

Формами проявления внешнего конфликта могут быть:

- конфликт между интересами акторов академической среды и бизнес-сообщества;
- несоответствие норм осуществляемой государственной политики интересам акторов академической среды.

Большинство конфликтных ситуаций – это ситуации торга, когда способность одного участника добиваться своих целей зависит от действий и решений другого участника [47. С. 17], эффективность одного института зависит от норм и правил другого института. Это может привести к появлению нежизнеспособных институтов, институционального мутанта – одной из форм институциональной ловушки [44. С. 20].

Таким образом, сформировавшиеся институциональные ограничения в системе высшего образования приводят к росту транзакционных издержек, нарушению мотивационного механизма ключевого актора (преподавателя), проявляющимся в его депрофессионализации, работе на показатели, уменьшении ответственности за результат. То есть наблюдается ограничение академической доступности для внутренних и внешних акторов.

Происходит глобальная трансформация университетов. Осуществляются значительные изменения менее капитализированной части академической среды. В процессе взаимодействий чаще всего лидирующее положение занимают бизнес, государство, диктуя свои правила игры, нарушая сформировавшиеся академические конвенции.

Несомненно, все возникающие проблемы вовсе не означают, что система образования рушится и происходящая модернизация наносит только вред. В каждой из национальных экономик эти изменения имеют свою специфику.

Литература

1. Гурков И.Б. Интегрированная метрика стратегического процесса – попытка теоретического синтеза и эмпирической апробации // Российский журнал менеджмента. 2007. Т. 5, № 2. С. 3–28.
2. Сивак Е.В., Юдкевич М.М. «Закрытая» академическая среда и локальные академические конвенции // Форсайт. 2008. № 4. С. 32–41.
3. *Kreps D.* Intrinsic Incentives and Extrinsic Incentives // AEA Papers and Proceedings. 1997. Vol. 87, № 2. P. 359–364. URL: http://www.jstor.org/stable/2950946?seq=1#page_scan_tab_contents (access date: 03.05.2017).
4. *Baker G., Jensen M., Murphy K.* Compensation and Incentives: Practice vs. Theory // Journal of Finance. 1988. Vol. 43, № 3. P. 593–616.
5. *Benabou R.J.M., Tirole J.* Intrinsic and Extrinsic Motivation // Review of Economic Studies. 2003. Vol. 70, № 3. P. 489–520.
6. Кузьминов Я., Юдкевич М. Академическая свобода и стандарты поведения // Вопросы экономики. 2007. № 7. С. 80–93.
7. *North D.C., Thomas R.P.* An Economic Theory of the Growth of the Western World // Economic History Review. 1970. Vol. 23, № 1, P. 1–17. URL: http://www.jstor.org/stable/2594560?origin=JSTOR-pdf&seq=1#page_scan_tab_contents (access date: 03.05.2017).
8. Фуллер С. В чем уникальность университетов? Обновление идеала в эпоху предпринимательства // Вопросы образования. 2005. № 2. С. 50–76.
9. Балацкий Е.В. Истошение академической ренты // Мир России. Социология. Этнология. 2014. № 3. С. 150–174.
10. Балацкий Е.В. Оценка академической ренты // Вопросы экономики. 2014. № 10. С. 97–113.
11. Курбатова М.В., Левин С.Н. Эффективный контракт в системе высшего образования РФ: теоретические подходы и особенности институционального проектирования // Journal of institutional studies. 2013. Т. 5, № 1. С. 55–80.
12. Сивак Е.В., Юдкевич М.М. Академическая профессия в сравнительной перспективе: 1992–2012 // Форсайт. 2013. Т. 7, № 3. С. 38–47.
13. Корбут А.М. Академическое сопротивление в университете: попытка концептуализации // Высшее образование в России. 2015. № 1. С. 86–94.
14. Великая хартия европейских университетов: принята в 18 сент. 1888 г. Болонья, 1988. URL: http://www.lexed.ru/mpravo/razdel7/part2/?part2_01.html 11/ (дата обращения: 12.02.2017).
15. *Polanyi M.* The republic of science: It's political and economic theory // Minerva. 2000. Vol. 38, № 1. P. 1–21.
16. *Функционирование коллегияльных управленческих органов с общественным участием в университетах зарубежных стран / М.А. Правдина, И.А. Груздев, Е.А. Терентьев, М.Н. Ступникова. М. : НИУ ВШЭ, 2016. 56 с.*

17. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro.php (дата обращения: 20.05.2017).
18. *Шиверских М.Р.* Взаимодействие предпринимательской и академической культуры в экономике знаний // Вопросы образования. 2010. № 4. С. 70–85.
19. *Scott P.* Challenges to Academic Values and the Organization of Academic Work in a Time of Globalization // Higher Education in Europe. October 2003. Vol. XXVIII, № 3. P. 296–306.
20. *Mendoza P., Berger J.B.* Academic Capitalism and Academic Culture: a Case Study // Education Policy Analysis Archives. 2008. Vol. 16, № 23. P. 1–24.
21. *McCowan T.* Universities and the post-2015 development agenda: an analytical framework // High Education. 2016. Vol. 72. P. 505–523. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs10734-016-0035-7.pdf> (access date: 03.05.2017).
22. *Мерцалова Т.А.* Информационная открытость системы образования: Вопросы эффективности государственной политики // Вопросы образования. 2015. № 2. С. 40–75.
23. *Globalisation, Comparative Education and Policy Research: 12-volume Book Series [E-book] / edit. Joseph Zajda.* London ; New York : Springer Dordrecht Heidelberg, 2016. 213 p. URL: <http://www.springer.com/gp/book/9783319281902> (access date: 03.05.2017).
24. *Кларк Б.* Поддержание изменений в университетах. Преемственность кейс-стади и концепций / пер. с англ. Е. Степкиной. М. : Изд. дом ВШЭ, 2011. 312 с
25. *Бок Д.* Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования / пер. с англ. С. Карпа. М. : ВШЭ, 2012. 224 с.
26. *Энговатова А.А.* Университеты и таланты в НТИ // VII Всероссийский съезд советов молодых ученых и специалистов: НИЯУ-МИФИ. 30.11.2016–1.12.2016. URL: <http://youngsciencecongress.ru> (дата обращения: 20.05.2017).
27. *Ицковиц Г.* Тройная спираль. Университет–предприятие–государство. Инновации в действии / пер. с англ. А.Ф. Уварова. Томск : ТУСУР, 2010. 237 с.
28. *Митронова Т.* Бизнес в стиле research: какие приемы управления предприниматели могут «подсмотреть» у ученых // Электронный журнал Forbes. URL: <http://www.forbes.ru/biznes/349019-biznes-v-stile-research-kakie-priemu-upravleniya-predprinimateli-mogut-podsmotret-u> (дата обращения: 20.05.2017).
29. *Скотт П.* Реформы высшего образования в странах Центральной и Восточной Европы: попытка анализа // Alma Mater. 2001. № 8. С. 47–52.
30. *The SAGE Handbook of Sociology [E-book] / ed. C. Calhoun, C. Rojek, B. Turner // Delanty G.* The Sociology of the University and Higher Education: The Consequences of Globalization. 2005. P. 530–545.
31. *Slaughter Sh., Rhoades G.* Academic capitalism and the new economy. JHU Press, 2009. 384 p.
32. *Schuster J., Finkelstein M.* The American faculty: The restructuring of academic work and careers. JHU Press, 2006. 572 p.
33. *Саймон Х.* Что угрожает британским университетам? // Вопросы образования. 2011. № 2. С. 282–296.
34. *Балацкий Е.В.* Институциональная теория устойчивых изменений: конкуренция университетов // Общество и экономика. 2013. № 6. С. 118–145.
35. *Финкельштейн М.Дж.* Академическая профессия в США под угрозой // Международное высшее образование. 2017. № 89. С. 15–17.
36. *Хед С.* Что угрожает британским университетам? // Вопросы образования. 2011. № 2. С. 282–296.
37. *Борзов С.В.* Финансирование как начальная стадия кругооборота ресурсов, доходов и услуг в системе высшего образования // Вестник Чувашского университета. 2014. № 4. С. 355–359.
38. *Клячко Т.Л., Мау В.А.* Будущее университетов. М. : Дело, 2015. 64 с.

39. *Беляев А.В.* Корпоративная культура университета: от теории к практике // Высшее образование в России. 2007. № 11. С. 62–65.
40. *Mendoza P.* Academic Capitalism and Doctoral Student Socialization: a Case Study. Dissertation. Doctor of education // The Journal of Higher Education. 2007. Vol. 78. P. 71–96.
41. *Прохоров А.В.* Соотношение корпоративной и академической культур в современном университете // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2010. Вып. 10 (90). С. 179–184.
42. *Henkel M.* Can academic autonomy survive in the knowledge society? A perspective from Britain // Higher Education Research & Development. 2007. Vol. 26, № 1. P. 87–99.
43. *Балацкий Е.В.* Институциональные конфликты в сфере высшего образования // Экономика образования. 2007. № 3. P. 79–89.
44. *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Российская экон. школа. М., 1999. 37 с. URL: http://mathecon.cemi.rssi.ru/vm_polterovich/files/ep99001.pdf (дата обращения: 20.05.2017).
45. *Мелхов В.Ю.* Институциональные конфликты в процессах воспроизводства кадров российской высшей школы // Ученые записки РГСУ. 2012. № 2 (102). С. 19–23.
46. *Slaughter S., Feldman M., Thomas S. U.S.* Research universities' institutional conflict of interest policies // Journal of Empirical Research on Human Research Ethics. 2009. Vol. 4, № 3. P. 3–20.
47. *Шеллинг Т.* Стратегия конфликта. М. : ИРИСЭН, 2007. 366 с.

Oganyan A.A., Khloptsov D.M., Department of Economics, Institute of Economics and Management, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: og.aa@yandex.ru

TRANSFORMATION OF THE ACADEMIC ENVIRONMENT: GLOBAL ASPECT

Keywords: university, academic environment, academic culture, academic autonomy, academic freedom, academic reward, university transformation, academic conflict.

The article is devoted to the academic environment and its basic institutes: academic autonomy and academic freedom, academic culture of university. The article defines foundations of the formed academic conflict, which is a consequence of the late reaction of academic workers to external factors, discrepancy between the institutions of the business and the academic environment, ignoring the essential features of the academic environment by stakeholders. The most significant changes of the academic environment are highlighted. For example, formation of a corporate culture at university, strengthening the management administrative methods, confidence crisis and formation some special models for opportunistic behavior of actors in academic environment, etc. It should be noted that outside the framework of this study are the national characteristics of the academic environment.

References

1. Gurkov, I.B. Integrirovannaya metrika strategicheskogo processa – popytka teoreticheskogo sinteza i ehmpiricheskoy aprobacii // Rossijskij zhurnal menedzhmenta. 2007. № 2. Tom 5. S. 3- 28. S. 12.
2. Sivak E. V., YUdkevich M. M. «Zakrytaya» akademicheskaya sreda i lokal'nye akademicheskie Konvencii // Forsajt. 2008. №4. S. 32-41.
3. Kreps D. Intrinsic Motivation and Extrinsic Incentives // AEA Papers and Proceedings. 1997. Vol. 87, No 2. P. 359-364. URL: http://www.jstor.org/stable/2950946?seq=1#page_scan_tab_contents (access date: 03.05.2017). Sivak E.V., YUdkevich M.M. «Zakrytaya» akademicheskaya sreda i lokal'nye akademicheskie Konvencii // Forsajt. 2008. №4. S. 32-41.
4. Baker G., Jensen M., Murphy K. Compensation and Incentives: Practice vs. Theory // Journal of Finance. 1988. Vol. 43, No 3. P. 593-616.

5. Benabou R. J. M., Tirole J. Intrinsic and Extrinsic Motivation // Review of Economic Studies. 2003. Vol. 70, No 3. P. 489-520.
6. Kuz'minov YA, YUdkevich M. Akademicheskaya svoboda i standarty povedeniya // Voprosy ehkonomii. 2007. №7. S. 80-93.
7. North D.C., Thomas R.P. An Economic Theory of the Growth of the Western World // Economic History Review. 1970. Vol. 23. № 1, P. 1-17. URL: http://www.jstor.org/stable/2594560?origin=JSTOR-pdf&seq=1#page_scan_tab_contents (access date: 03.05.2017).
8. Fuller S. V chem unikal'nost' universitetov? Obnovlenie ideala v ehpohe predprinimatel'stva // Voprosy obrazovaniya. –2005. №2. S. 50-76.
9. Balackij E.V. Istoshchenie akademicheskoy renty // Mir Rossii. Sociologiya. EHnologiya. 2014. №3. S.150-174.
10. Balackij E.V. Ocenka akademicheskoy renty// Voprosy ehkonomiki. 2014. № 10. S. 97-113.
11. Kurbatova M. V., Levin S.N. S. EHffektivnyj kontrakt v sisteme vysshego obrazovaniya RF: teoreticheskie podhody i osobennosti institucional'nogo proektirovaniya // Journal of institutional studies. 2013. T. 5. № 1. S. 55-80.
12. Sivak E. V., YUdkevich M. M. Akademicheskaya professiya v sravnitel'noj perspektive: 1992–2012 // Forsajt. 2013. T. 7. № 3. S. 38-47.
13. Korbut A. M. Akademicheskoe soprotivlenie v universitete: popytka konceptualizacii // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2015. № 1. S. 86-94.
14. Velikaya hartiya evropejskih universitetov: prinyata v 18 sent.1988 g. [EHlektronnyj resurs] . Bolon'ya: 1988. URL:http://www.lexed.ru/mpravo/razdel7/part2/?part2_01.html 11/ (data obrashcheniya: 12.02.2017).
15. Polanyi M. The republic of science: It's political and economic theory // Minerva, 2000. Vol. 38. № 1. P. 1-21.
16. Funkcionirovanie kollegial'nyh upravlencheskih organov s obshchestvennym uchastiem v universitetah zarubezhnyh stran / M.A. Pravdina, I.A. Gruzdev, E.A. Terent'ev, M.N. Stupnikova. M.: NIU VSHEH. 2016. 56 s.
17. Kastel's M. Informacionnaya ehpoza: ehkonomika, obshchestvo, kul'tura [EHlektronnyj resurs] / M. Kastel's. M.: 2000. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro.php (data obrashcheniya: 20.05.2017).
18. SHiverskih M. R. Vzaimodejstvie predprinimatel'skoj i akademicheskoy kul'tury v ehkonomike znanij // Voprosy obrazovaniya. 2010. №4. S.70-85
19. Scott P. Challenges to Academic Values and the Organization of Academic Work in a Time of Globalization // Higher Education in Europe. Vol. XXVIII, No. 3, October 2003. P. 296-306.
20. Mendoza P., Berger J.B. Academic Capitalism and Academic Culture: a Case Study // Education Policy Analysis Archives. 2008. Vol. 16. No. 23. P. 1-24.
21. McCowan T. Universities and the post-2015 development agenda: an analytical framework // High Education. 2016. Vol. 72. P. 505-523. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs10734-016-0035-7.pdf> (access date: 03.05.2017).
22. Mercalova T. A. Informacionnaya otkrytost' sistemy obrazovaniya: Voprosy ehffektivnosti gosudarstvennoj politiki // Voprosy obrazovaniya. 2015. № 2. S. 40-75.
23. Globalisation, Comparative Education and Policy Research: 12-volume Book Series [E-book]/ edit. Joseph Zajda. Springer Dordrecht Heidelberg London New York: 2016. 213 p. URL: <http://www.springer.com/gp/book/9783319281902> (access date: 03.05.2017).
24. Klark B. Podderzhanie izmenenij v universitetah. Preemstvennost' kejs- stadi i koncepcij / per. s angl. E. Styopkinoy. M.: Izd. dom VSHEH. 2011. 312 s
25. Bok. D. Universitety v usloviyah rynka. Komercializaciya vysshego obrazovaniya / per. s ang. S. Karpa. M.: VSHEH, 2012. 224 s.
26. EHngovatova A.A. Universitety i talanty v NTI / [Ustnyj doklad] VII Vserossijskij S"ezd sovetov molodyh uchenyh i specialistov: NIYAU-MIFI. 30.11.2016 – 1.12.2016. URL: <http://youngsciencecongress.ru> (data obrashcheniya: 20.05.2017).

27. Ickovic G. Trojnaya spiral'. Universitet-predpriyatye-gosudarstvo. Innovacii v dejstvii / G. Ickovic, per. s angl. A.F. Uvarova. Tomsk: TUSUR. 2010. 237 s
28. Mitronova T. Biznes v stile research: kakie priemy upravleniya predprinimateli mogut «podsmotret» u uchenyh [EHlektronnyj resurs] // EHlektronnyj zhurnal Forbes. URL: <http://www.forbes.ru/biznes/349019-biznes-v-stile-research-kakie-priemy-upravleniya-predprinimateli-mogut-podsmotret-u> (data obrashcheniya: 20.05.2017).
29. Skott, P. Reformy vysshego obrazovaniya v stranah Central'noj i Vostochnoj Evropy: popytka analiza // Alma Mater. 2001. №8. S. . 47-52.
30. The SAGE Handbook of Sociology [E-book]/ edit. C. Calhoun, C. Rojek and B. Turner // Delanty G. The Sociology of the University and Higher Education: The Consequences of Globalization. 2005. P. 530-545.
31. Slaughter Sh., Rhoades G. Academic capitalism and the new economy / JHU Press. 2009. 384 p.
32. Schuster J., Finkelstein M. The American faculty: The restructuring of academic work and careers. JHU Press. 2006. 572 p.
33. Sajmon H. CHto ugrozhaet britanskim universitetam? // Voprosy obrazovaniya. 2011. № 2. S. 282-296
34. Balackij E.V. Institucional'naya teoriya ustojchivyh izmenenij: konkurenciya universitetov // Obshchestvo i ehkonomika. 2013. № 6. S. 118-145.
35. Finkel'shtejn M. Dzh. Akademicheskaya professiya v SSHA pod ugrozoy // Mezhdunarodnoe vysshee obrazovanie. 2017. № 89. S. 15-17.
36. Hed S. CHto ugrozhaet britanskim universitetam? // Voprosy obrazovaniya. 2011. № 2. S. 282-296.
37. Borzov S. V. Finansirovanie kak nachal'naya stadiya krugoborota resursov, dohodov i uslug v sisteme vysshego obrazovaniya // Vestnik CHuvashskogo universiteta. 2014. № 4. 355-359.
38. Klyachko T.L., Mau V.A. Budushchee universitetov / T. L. Klyachko, V.A. Mau. M. : Delo, 2015. 64 s.
39. Belyaev A.V. Korporativnaya kul'tura universiteta: ot teorii k praktike // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2007. № 11. S.62-65.
40. Mendoza P. Academic Capitalism and Doctoral Student Socialization: a Case Study. Dissertation.Doctor of education // The Journal of Higher Education. 2007. Vol. 78. P. 71-96.
41. Prohorov A. V. Sootnoshenie korporativnoj i akademicheskoy kul'tur v sovremennom universitete // Vestnik TGU. Vypusk 10 (90). 2010. 179-184.
42. Henkel M. (2007) Can academic autonomy survive in the knowledge society? A perspective from Britain // Higher Education Research & Development. Vol. 26. № 1. P. 87–99.
43. Balackij E. V. Institucional'nye konflikty v sfere vysshego obrazovaniya // EHkonomika obrazovaniya. № 3. 2007, 79-89
44. Polterovich V. M. Institucional'nye lovushki i ehkonomicheskie reformy [EHlektronnyj resurs]/ Rossijskaya ehkon. shkola. M., 1999. 37 s. URL: http://mathecon.cem.rssi.ru/vm_polterovich/files/ep99001.pdf (data obrashcheniya: 20.05.2017).
45. Melihov V. YU. Institucional'nye konflikty v processah vosпроизводства kadrov rossijskoj vysshej shkoly // Uchenye zapiski RGSU. 2012. № 2 (102). S. 19-23
46. Slaughter S., Feldman M., Thomas S. U.S. Research universities' institutional conflict of interest policies // Journal of Empirical Research on Human Research Ethics. P. 3–20.
47. SHelling T. Strategiya konflikta / Tomas SHelling. M.: IRISEHN, 2007. 366 s.

For referencing:

Oganyan A.A., Khloptsov D.M. Transformaciya global'noj akademicheskoy sredy: mekhanizmy i social'no-ehkonomicheskie posledstviya [Transformation of the academic environment: global aspect]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics, 2018, no 42, pp. 22–40.